

„Киевская Русь и Хазария“.

(Роль хазарского торгового капитала в истории Киевской державы.)

Связи Восточного Славянства с Хазарией относятся к очень ранней поре, как о том свидетельствуют данные — как летописные — о дани 4-х славянских племен Хазарам, очевидно, в эпоху более раннюю, чем IX в., так и арабские, знающие рано пребывание русов и славян в Итиле и походы Руси на южный Каспий в конце IX и X в. в. и рассказывающие о походе арабского вождя Марвана еще в I половине VIII в. на Хазар и Славян, живших в земле Хазарской (Баладур, Табари). В полном соответствии с этим новая работа академика Н. Я. Марра,¹⁾ на основании анализа описания хазарской трапезы у автора истории албанов Моисея Каланкайтуйского или Утийца, устанавливает близкие связи Хазар с Восточными Славянами, точнее с ветвью их, еще в VII в. Эти ранние хазарско-славянские сношения — быть может, стоящие в связи с известием Прокопия Кесарийского, византийского писателя середины VI в., о нахождении в его время бесчисленного количества антов к востоку от Днепра и к северу от Азовского моря — ставят серьезный вопрос о необходимости пересмотра известной схемы восточно-славянской прародины и расселения Восточного Славянства, созданной покойным А. А. Шахматовым, а также — переоценки соображений наших историков относительно того, что Прикавказская Тмуторокань якобы возникла во второй половине X века в виде колонии Киевской Руси. Там, между Волгой, Доном и Кавказскими горами, мы с VII в., если не с VI уже, видим значительное скопление восточно-славянских масс, и это скопление замечаем в связи и зависимости от того загадочного племени Хазар, которым Н. Я. Марр приписывает теперь трехсоставное, яфетическо-арийско-тюркское происхождение.²⁾ Здесь, можно думать, закладываются первые основы той государственности Восточного Славянства или его части, которая затем, в силу изменения экономических условий

¹⁾ См. „Тексты и разыскания по Кавказской филологии“, т. I, Ленинград, 1925 г., стр. 66—125. — ²⁾ Ibidem, стр. 101.

в связи с перемещением торговых путей и передвижением племен, сама передвигается на север и северо-запад. В этом отношении получает особое значение эпоха IX века — время движения здесь Угров и Печенегов и первого ослабления хазарской мощи вместе с вызванными, видимо, этим изменениями или реформами государственно-социально-религиозной жизни Хазарии. На IX век падает усиление в Хазарии операций торгового капитала и соединенной с этим эксплуатации подвластных народов, что, в связи с изменением в это же время государственной религиозной политики, вызвало недовольство и стремление к отпадению от союза с хазарской государственностью доселе тесно связанных с нею племен („Кабары“). Около начала X в., вслед за проходом через хазарские пределы Угров и Печенегов, начинается упорная борьба против Хазарии Алании и Руси. Уже в начале X века идет борьба против Хазарии Олега, закончившаяся в конце-концов неудачей и крахом, видимо потерявшей в этой борьбе экономическую базу „державы“ Олега (на гибель которой указывает недавно открытый Шехтером¹⁾ еврейский документ). Борьба однако скоро возобновляется и принимает другой оборот при Святославе, дурно отражаясь на судьбах Хазарского государства. Затем в эпоху Владимира Святого, полагающего по существу начало Киевской государственности (ибо трудно говорить о таковой во времена кочующего Святослава, а тем более Олега, самое приурочение которого к Киеву сомнительно), мы видим скорее как будто добрые сношения Киева с ослабевшей политически Хазарией: о том говорит предание о посольстве из Хазарии в Киев с предложением веры и титул „кагана“, усвояемый Владимиру писателем середины XI в. („Слово о законе и благодати“). Политика полуполюбопытного в нашей летописи Владимира, повидимому, сводилась к лавированию между Византией, скандинавскими „варягами“ и Хазарией, при упорной борьбе с Печенегами. Результаты этой неустойчивой политики сразу сказались после смерти Владимира: начавший борьбу против Печенегов Борис погибает в столкновении со Святополком, который, опираясь на Печенегов, упорно борется против „варягов“, руководящих Ярославом. Нельзя с достоверностью учесть роль тут Хазарии,

¹⁾ Тот же документ склоняет ее хронологически поместить между 907—943 г. г. (приблизительно) и отыскивать ее восточнее Киева.

но несомненно, что разгром ее в 1016 году Византией в союзе с русским князем „Свенгом“ (по показанию византийской хроники) имеет отношение к борьбе того времени на Днестре между Ярославом и Святополком. Взаимоотношения между Печенегами и Хазарами, конечно, вообще говоря, колебались то в ту, то в другую сторону, и союзник Печенегов Святополк мог и быть тем „Свенгом“, который помогал Византии бить Хазар, но в данном случае возможно предположить под „Свенгом“ и другого современного князя Руси, неизвестного по летописи.¹⁾ Однако, поражение Святополка с Печенегами со стороны „варягов“ и Ярослава в 1016—17 г. г. несомненно стояло в связи с разгромом Хазарии в 1016 г.: в данном случае могли сказаться — либо месть со стороны хазарских капиталистов за содействие разгрому их государства, либо ослабление базы (в другом случае) на юго-востоке для Печенегов и Святополка. Во всяком случае в этот раз, в результате указанного поражения, Святополк укрывается на западе — в Польше и ищет помощи там, а не у Печенегов. В конечном итоге, как видно из летописи, „варяги“ как будто — по крайней мере пока — восторжествовали над Печенегами, продолжавшими потом, после 1017 г., было снова поддерживать Святополка против Ярослава, и это обстоятельство — торжество варягов — имевшее важное значение для развития варяго-греческого торгового пути и воздействия византийского капитала на Днепр, не могло не обеспокоить хазарских капиталистов, терявших в данный момент почву для своих операций в гибнущей полигически Хазарии. Этим опасением конкуренции на Днестре и стремлением обеспечить себе здесь рынки естественнее всего об'яснить то, вскоре последовавшее, хазарское предприятие, которое из летописи известно, как движение в 1023—24 г. г. Мстислава Тмутороканского с Кавказа с Хазарами и Касогами к Днепру. Участие в этом движении Хазар совершенно определено и ясно указывается летописью. Как известно, оно не повело еще сразу к организации или реорганизации Киевского государства, но оно создало вблизи него Черниговскую „державу“ Мстислава, процветавшую около 12 лет и затем в течение долгого времени существовавшую, испытал лишь некоторую моди-

¹⁾ Поскольку теперь приходится отбросить идею единой на Руси династии „Рюриковичей“.

фикацию при смене династии, — это был определенный и решительный шаг в движении хазарского капитала в Киевское Поднепровье. Опиравшийся на Хазар, Мстислав победил „варягов“ и Ярослава и тем обеспечил для хазарского торгового капитала господство на левом берегу Днепра и торговые сношения на этой реке. Недавно организованная Киевская „держава“ в этот момент, видимо, просто замерла, находясь еще в сравнительно зачаточном состоянии и испытав перед тем великие потрясения в десятилетие, следовавшее после смерти Владимира. Киев стоял в развалинах после событий 1016—1019 г. г. (особенно года 1017 по летописи), а Ярослав как будто предпочитал сидеть в Новгороде, где более реальной для него, непопулярного среди славянского населения, была поддержка со стороны родственников (по брачным связям) „варягов“. Лишь смерть в 1036 году Мстислава открыла новые возможности для стремившихся на юг „варягов“: Ярослав движется с ними на юг, сокрушает Печенегов и в 1037 году „закладывает“ — восстанавливает и расширяет Киев. Вот этот момент и можно считать временем действительного создания Киевского государства в значительных — хотя, конечно, далеко не восточно — европейских — размерах; произошло оно действительно, согласно с летописной традицией, при участии „варягов“ (помогавших в свое время и Владимиру). Но вряд ли варяжских конунгов и викингов можно считать сколько-нибудь крупными капиталистами, — это были лишь беспокойные, предприимчивые воины, являвшиеся удобным материалом для использования их со стороны представителей более могущественного капитала. С другой стороны вряд ли стояло вне связи с этими событиями на Днепре происшедшее как раз в это время, в те же 30-е годы XI ст., полное разрушение хазарского государства курдом Фадлуном: гибель Хазарии ослабила Печенегов, открыв больше простора для движения Узов-Торков¹⁾ и затем Половцев, а с другой стороны она освободила капиталы хазарского торгового мира и потребовала для их применения иного места, более спокойного и выгодного в смысле развития торговых операций. Иначе говоря, падение Хазарии поспособствовало созданию крупного Киевского торгового государ-

¹⁾ Движение каковых на запад также должно было поспособствовать окончательной гибели Хазарии в это время.

ства: Киевская Русь, как государство, явилась в известной мере модификацией и приемницей Хазарского государства — в связи с происшедшим перед этим засорением волжско-каспийского торгового пути и поднятием значения днепровского. Старая хазарско-русская история передвинулась теперь на северозапад и передала Поднепровью традиции северного Кавказа. Следы влияния хазарского капитала на Киев при Ярославе мы видим, во-первых, в том титуле „каган“ (или „хакан“), явно хазарском, каковой в это время Ярославу приписывает его современник — автор „Слова о законе и благодати“; во-вторых, на это же косвенно указывают и летописные данные той поры: в 1043 г. Ярослав начинает войну с Византией — соперницей хазарского капитала и вообще вступает в продолжительный конфликт с нею (на что указывают затем церковные события 1051 г.) и вместе с тем получает возможность посадить в связанном с Хазарами Чернигове своего сына Святослава. Эти факты говорят за то, что Ярослав скоро в Киеве должен был войти в контакт с хазарскими торговыми сферами и действительно так быстро обстроить Киев („София“, „Золотые ворота“ и пр.) и поднять его торговое значение он не мог, обходясь без помощи одновременно — и Византии, с которой поссорился, и хазарского торгового капитала, — надо полагать, что последний преваляровал в Киеве в последнее десятилетие княжения Ярослава. Эпоха правления затем в Киеве Изяслава Ярославича (1054—1073 г. г.) была, видимо, порой реакции против операций здесь хазарского капитала, и потому так непрочно себя чувствовал здесь Изяслав. Известны связи Изяслава с Польшей и Западом — его, так сказать, западническая ориентация; она не могла быть приятна хазарским капиталистам, и, надо думать, в связи с этим мы видим в Киеве недовольство Изяславом — как в торговом мире, так и даже среди одной части монашества (Антоний Печерский). Революция 1068 г. так или иначе связана была с недовольством торгового мира: она началась с веча „на торговищи“, и когда Изяслав затем подавлял ее и ее последствия в 1069 г., то предпринял репрессии против торгового мира и поспешил поставить его под свой княжеский контроль — „възгъна търгъ на гору“, т. е. перевел его сюда с Подола, где как раз топографическая номенклатура указывает на местожительство Ха-

зар. Однако трудно было киевскому князю бороться с сильным торговым капиталом юго-востока; последний, видимо, сыграл свою роль в новом удалении Изяслава из Киева в 1073 г., и это станет для нас очевиднее, если мы вспомним, что выгнал его из Киева Святослав Черниговский — князь, по самому месту своего жительства связанный больше с Хазарами, как преемник Мстислава — укрывавший при том в Чернигове и ранее недовольных Изяславом киевлян. Когда после смерти Святослава вернулся с запада Изяслав, снабженный полномочиями от самого римского папы, он встретил против себя коалицию из Половцев и князей Бориса Вячеславича и Олега Святославича — коалицию, по летописи опиравшуюся на веками связанную с Хазарами Тмуторокань, там именно организованную и нашедшую себе поддержку в Чернигове. Отсюда можно думать, что эта коалиция была организована на средства хазарских торговых кругов. Битва на Нежатиной Ниве 1078 г. не дала определенного результата: составленная Хазарами коалиция была разбита, но зато был убит и сам Изяслав. В Киеве теперь утверждается Всеволод, и вот в 1079 г. мы по летописи наблюдаем чрезвычайно любопытные и ясные следы того соглашения, которое должно было состояться между Всеволодом и представителями хазарского торгового капитала: заключается Всеволодом мир с Половцами, при содействии Хазар убивается неприятный Всеволоду Роман Святославич Тмутороканский, а другого пришедшего из Чернигова в Тмуторокань Святославича-Олега, „емьше Хазаре поточиша Цѣсарюграду“; в Тмуторокани же садится посадник Всеволода Ратибор. Такова одна сторона этого соглашения, сторона услуг Хазар Всеволоду, но она ясно говорит за то, что за эти услуги Всеволод, конечно, должен был предоставить существенные права и привилегии хазарским торговцам в Киеве. Однако соглашение продержалось недолго, оно скоро было нарушено военными событиями:¹⁾ уже в 1081 г. поставленный Всеволодом Ратибор отстраняется от власти в Тмуторокани, и здесь снова в 1083 г. утверждается вернувшийся из Царьграда Олег Святославич, между тем, как у Всеволода создается ряд осложнений с другими князьями и растет против него недовольство в Киеве высшего класса

¹⁾ Возможно, что тут сказались противодействие Хазарам со стороны Византии, с которой у Всеволода были родственные связи.

населения (по летописи „дружины первыя“), которое сказывается в записях летописца и в конце концов не дает возможности Всеволоду посадить после себя в Киеве сына, хотя это был хитроумный и как будто популярный Мономах. В Киеве в 1093 г. утверждается сын Изяслава Святополк, который после колебания скоро встает на путь соглашений и контакта с представителями хазарского торгового капитала и в результате упрочивается и богатает в Киеве. По аналогии с соглашением 1079 г. мы видим здесь соглашение 1094 г., в связи с которым не упоминается уже прямо имя „Хазар“ (ибо имя это вообще исчезает теперь со страниц нашей летописи), но участие их тут явно чувствуется: Святополк, находившийся в Киеве в первый год своего княжения в безвыходном положении, по этому соглашению добивается мира с Половцами, первый из русских князей женится на дочери половецкого хана, а Олег, наконец, получает возможность из Тмуторокани возвратиться в Чернигов — на место изгнанного оттуда Владимира Всеволодовича Мономаха — и затем делает отсюда попытки проложить торговые пути на северо-восток. Видимо, Святополк остался на всю жизнь верен этому соглашению, живя в контакте с представителями оперирующего в Киеве крупного торгового капитала, на что указывает рассказ Патерика о сделке Святополка с солеторговцами; начавшаяся сразу после его смерти в 1113 г. в Киеве революция, как показывает летопись, имела в виду сокрушить именно чувствительные для населения результаты этого соглашения. Эта революция привела в Киев на стол связанного с Византией и „варягами“ Владимира Мономаха. Следы нового влияния юго-восточного капитала мы можем заметить в Киеве после значительного уже перерыва — в эпоху 1139—1146 г. г. при утвердившемся здесь черниговском князе — Всеволоде Ольговиче, союзнике Половцев, искавшем торговых путей на „запад“, но после его смерти тут скоро снова затем наступает вспышка революции, приведшая к убийству преемника и брата Всеволода-Игоря и вокняжению представителя иной линии и иной политики — Изяслава Мстиславича; последнему как будто хазарские капиталисты противопоставляли сына половчанки и союзника черниговских князей — Юрия Долгорукого, и вот снова сразу по смерти Юрия в Киеве около 1157 г. мы видим здесь революционные вспышки против правящих верхов среди

населения. Далее идет такая же борьба разных начал до конца Киевской эпохи; проводниками интересов юго-восточного капитала, видимо, все время являются черниговские князья, часто попадающие в Киев на стол; с другой стороны тот же капитал, повидимому, содействует объединению интересов половецких ханов (очевидно постепенно об'единившихся с хазарскими верхами) и русских князей в начале XIII в., явным выражением какового была совместная битва русско-половецких военных сил против татар на Калке. Лишь татарское нашествие сломало силу этого, некогда хазарского, капитала на Днепре, распылив его и открыв другие пути для его применения, но вместе с тем пала и Киевская государственность, сильно на нем базировавшаяся.

Приведенными историческими данными далеко не исчерпывается запас аргументов относительно роли и значения хазарского торгового капитала в истории Киевской государственности. Отзвуки его, значительно затушеванные нашими древними летописцами — представителями византийско-христианской идеологии, вы все же чувствуете и в литературе (религиозно-полемиической), и в отдельных случайных указаниях летописи, Патерика и других источников, и в древнейшей номенклатуре Киевской топографии, и в проникновении определенных ветхозаветно-исторических идей в среду киевского монашества (отмеченных, наприм., Гетцом), и т. д. Его ролью в значительной мере обуславливался весь строй Киевского государства с его ростовщичеством, рабовладением, беспощадным отношением власти и верхов социальной лестницы к народным массам — „смердам“ и эксплуатацией их, с отчужденностью власти от населения и т. п. Этот капитал, интернациональный по существу и испытывавший время от времени национальную модификацию, не мог создать национального государства, и неудивительно, что Киевская держава была так плохо спаяна, так непрочна стояла и так легко пала под ударами татар, литовцев и поляков.¹⁾

Екатеринослав, 1926 г. 10. VI.

Владимир Пархоменко.

¹⁾ В этом отношении вполне прав акад. М. И. Ростовцев, который Киевское государство ставит в связь с предыдущими местными степными монархиями, и вызывает сомнение мысль акад. М. С. Грушевского о том, будто киевский интернационализм был причиной прочности Киевской гегемонии (См. его ст. в сборнике „Київ та його околиця“, 1926 г., изд. в Киеве), — этой прочности фактически мы как раз и не видим.